

И. В. Курукин
АРТЕМИЙ ВОЛЫНСКИЙ И ЕГО КЛИЕНТЫ

Для «новой политической истории» или «политической антропологии» характерно внимание к социокультурным механизмам функционирования власти, в том числе не только официальных органов, но и неформальных институтов. В этом смысле предпринята попытка объяснения механизма российской политической системы послепетровской эпохи борьбой сменявших друг друга или деливших власть нескольких «опорных» кланов» (Салтыковых, Нарышкиных, Трубецких)¹. Однако предложенная Д. Ле Донном схема не всегда «работает», поскольку, как указывалось в литературе, она основана на родственных связях, в то время как переплетения родства предполагали возможности выбора, не всегда определявшегося родовой солидарностью². К тому же историки уже подчеркивали «фемерность» таких родственно-политических отношений, которые «использовались, когда это было выгодно, и забывались, когда это становилось политически целесообразно»³. Другие исследования показали, что в России существовали различные формы клиентелизма⁴.

Таким образом, едва ли возможно выделить универсальную «модель» патрон-клиентских отношений, а различные конструкции таких неформальных структур еще предстоит выявить применительно к изучаемой проблеме.

Сохранившийся с некоторыми утратами⁵ комплекс документов, отложившийся в связи с работой трёх комиссий по делу кабинет-министра А. П. Волынского (двух следственных – «генералитетской» и для разбора финансовых злоупотреблений и «комиссии описи пожитков») позволяет очертить круг сотрудников и клиентов кабинет-министра.

На основании этих документов можно утверждать, что у А. П. Волынского не было опоры в лице родственников: члены его «фамилии» (включая нижегородского вице-губернатора И. М. Волынского) не делали карьеру с его помощью и не были приближены ко двору. Сам А. П. Волынский в процессе «восхождения» нуждался в поддержке влиятельных персон и был готов, по его словам, «стремился быть под первыми» – сначала В. Монсом и С. А. Салтыковым, затем К. Г. Левенвольде и Э. И. Бироном.

Первый круг общения А. П. Волынского образовали его «конфиденты»: А. Ф. Хрущов (капитан флота, советник экипажмейстерской конторы), П. М. Еропкин (полковник, архитектор, гоф-бау-интендант), Ф. И. Соймонов (генерал-майор, обер-прокурор Сената, генерал-кригс-комиссар Адмиралтейства); к ним можно отнести также президента Коммерц-коллегии П. И. Мусина-Пушкина и генерал-майора и советника

Военной коллегии С. Л. Игнатьева. Состоял у министра «в опеке» и князь В. А. Урусов – бывший командир Астраханского порта, затем директор Московской адмиралтейской конторы, контр-адмирал, советник Адмиралтейств-коллегии и начальник Морской академии.

Все они были членами старых фамилий, людьми одного поколения, но младше по чину. Их связи (за исключением Игнатьева) можно считать не только клиентскими, но и дружескими. Волынский поручал «конфидентам» написание и редактирование текста его «проекта», а последним приходилось порой ждать, когда патрон проснётся после обеда. Однако их «дружба фамилиарная» (по определению следствия) являлась также тесным интеллектуальным общением единомышленников. Кажется, необычность такого явления в придворной среде лишь усиливала его восприятие окружением Анны Иоанновны в качестве опасного заговора.

Второй круг общения составляли подчинённые Волынского «по егермейстерской части» и Конюшенной канцелярии (секретари В. Gladков и П. Муромцов; советник А. Наумов, ассессоры П. Богданов, В. Смирнов и В. Десятов; адъютант П. Родионов) или «произведённые» им лица – казанский прокурор В. Неелов, архитектор Иван Бланк, доверенный дворецкий Василий Кубанец. Они также иногда участвовали в сочинении «проекта» и даже делали замечания, но прежде всего обеспечивали контакты патрона с «просителями», ведали его «домашними делами», «деревнями» и винокуренным заводом. Подобных лиц Волынский «выводил в люди» – как, например, Б. Коростелева: из писарей в подпоручики и флигель-адъютанты, а затем в капитаны ландмилиции.

Отношения Волынского с этими нижестоящими клиентами были на редкость откровенными – он рассказывал им о придворных делах, жаловался на неприятности, делился своими размышлениями. На следствии они вели себя по-разному. Одни из чиновников держались стойко (как Gladков, который «ни о чем не показал»); другие, хоть и говорили о распоряжениях Волынского и о тех, кто искал его милости, но ничего существенного предоставить следователям не могли и отвечали, что с Волынским «рассуждений не имели». Лишь Кубанец (до того пытавшийся бежать от Волынского, но прощённый им) стал давать показания о всех служебных и финансовых прегрешениях хозяина более чем за десять лет и больше всего боялся «запомнить» что-либо из его действий⁶.

Можно сделать вывод, что «клиентская сеть» Волынского была в 1739 г. на подъёме, судя по «производствам» её членов. Урусов был пожалован в генерал-лейтенанты и назначен главным командиром Оренбургской комиссии вместо В. Н. Татищева; Эйхлер – в тайные кабинет-секретари; Соймонов – в генерал-кригс-комиссары и вице-президенты Адмиралтейств-коллегии. В эту же коллегию были по его представлению назначены бы-

вавшие у Волынского в доме и близкие ему П. К. Пушкин (советником) и Н. Желябужский (прокурором).

Однако амбициозный кабинет-министр не считал нужным или не смог создать своей «партии» из влиятельных в высшем звене управления и при дворе фигур, что, несомненно, способствовало его «падению». «При особе её императорского величества» он приобрёл поддержку лишь в лице кабинет-секретаря Анны Иоанновны Ивана Эйхлера – «секретного друга», по определению самого Эйхлера: он передавал письма Волынского, следил за «противной партией» и извещал патрона о событиях при дворе – перемещениях, назначениях, наградах. Воспитатель и дальний родственник Волынского, обер-гофмейстер С. А. Салтыков с 1732 г. находился в Москве и важной роли при дворе не играл. Подозрения на лиц этого круга (кабинет-министр А. М. Черкасский, сенатор В. Я. Новосильцев, генерал-прокурор Н. Ю. Трубецкой) имелись. Следователи собирались допросить гостей и «приятелей» Волынского, но одних, как А. И. Румянцева и М. Г. Головкина, избавила от этого сама императрица; другие – Трубецкой, Черкасский и Новосильцев – ограничились письменными показаниями у себя дома и утверждали, что знакомились с «проектом» Волынского, но разговоры с хозяином вращались вокруг одной темы: «х кому отмена и кто в милости» у императрицы, о ссорах Волынского с другими сановниками, о назначениях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Le Donne J. Ruling families in the Russian political order 1689–1725 // Cahiers du monde russe et soviétique. 1987. V. 28. №3–4. P. 264–265, 274–275, 284, 292; Он же. Absolutism and ruling class. The formation of the Russian political order. 1700–1825. N.Y., 1991.*

² См.: *Dixon S. The Modernization of Russia, 1676–1825. Cambridge, 1999. P. 137.* Автор указывал, что выделенные Ле Донном «патронажные сети» оказываются непохожими на западные аналоги, где родство было не единственным образующим фактором.

³ См.: *Meehan-Waters B. Autocracy and Aristocracy: The Russian Service Elite of 1730. New Brunswick, 1982. P. 159.*

⁴ Д. Орловски выделил четыре типа патрон-клиентских связей в среде российской бюрократии: 1) клиентелизм монархического окружения; 2) клиентелизм родственный; 3) клиентелизм земляческий (*clientelism of geographic location*); 4) клиентелизм должностной (*clientelism of institutional position*) (см.: *Orlovsky D. Political Clientelism in Russia: the Historical Perspective // Leadership Selection and Patron-Client Relations in the USSR and Yugoslavia: Selected papers from the 2d World Congress for Soviet and East-European Studies. L., 1983. P. 174–199*). См. также: Патронат и клиента в истории России: (материалы «круглого стола») // Источник. Историк. История: Сборник научных работ. СПб., 2004. Вып. 4. С. 255–287; *Бекасова А. В. Семья, родство и покровительство в России XVIII века: «до-*

мовое подданство» графа П. А. Румянцева: автореф. дисс... кандид. ист. наук. СПб., 2006.

⁵ Текст части следственных документов утрачен (они собраны в подборку «подмокших и слипшихся бумаг»); кроме того, уже в процессе следствия Волынский и его «конфиденты» имели время и возможность уничтожить многие документы – так, например, кабинет-секретарь Анны Иоанновны Иван Эйхлер сжѐг письма Волынского.

⁶ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 198. Л. 1–16об.

А. С. Палкин

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ЕДИНОВЕРИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ НАЧАЛА XIX в.*

В конце 90-х гг. XVIII в. по России прокатилась вторая крупная волна формирования единоверческих приходов (первая волна связана с затянувшимся более чем на 10 лет обращением в единоверие стародубских слобод¹ и неудачной попыткой внедрения единоверия на Иргизе, предпринятой «строителем» Сергием (Юршевым)²). В 1797–1798 гг. единоверческие церкви появились в Казани, Твери, Торжке и Нижнем Новгороде³, в 1799 г. движение в сторону компромисса с государством начинают староверы Екатеринбург и Москвы⁴, в том же году был создан первый единоверческий приход в столице империи⁵.

Примечательно, что развитие только что учрежденного единоверия находилось под личным контролем императора. Это может быть объяснено не только любовью Павла I к мелочам, его желанием лично вникать во все тонкости государственной жизни и благоволением монарха к единоверцам, но и непривычностью самой идеи введения староверов в структуру официальной церкви, а также отсутствием четкой системы и механизмов обращения в единоверие и формирования единоверческих приходов. Так, например, в конце 1800 г. император лично удовлетворил просьбу трех петербургских и одного московского старообрядцев о присоединении их к единоверию. Вследствие этого священник петербургской «старообрядческой в доме купца Милова церкви» Николай Иванов присоединил старообрядца Ивана Андреева зимой 1800–1801 гг. Священник церкви Сретения Господня, что на старообрядческом кладбище за Черной речкой (тоже в столице), Андрей Андреев, присоединил староверов Павла Добрецова и Алексея Аманова, впоследствии сыгравших важную роль в

---

* Работа проводилась при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям по государственному контракту № 02.740.11.0348 на выполнение НИР «Социокультурные и институционально-политические механизмы исторической динамики переходных периодов», шифр «2009–1.1–301–072–017».